

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 3 (72). С. 69–73.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2022. Vol. 3 (72). P. 69–73.

Научная статья
УДК 7.07:929Л
doi: 10.54398/1818510X_2022_3_69

ЭСТЕТИКА В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ К. Н. ЛЕОНТЬЕВА

Столярова Изабелла Феликсовна

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
izabella.stolyarova@gmail.com, <https://istina.msu.ru/profile/iubiriya/>

Аннотация. В статье рассматриваются эстетические концепции Константина Леонтьева (1831–1891), И. Канта и Ф. Ницше. Автор исследует взаимосвязь и различия представлений Канта, Ницше и Леонтьева по вопросам эстетики, а также обосновывается сходство эстетических концепций Леонтьева и Ницше, позволившее считать русского мыслителя предвестником ницшеанства. Показано, что эстетика в творчестве Константина Леонтьева является главным критерием, на основании которого мыслитель оценивает происходящие в жизни и природе явления (так называемая «эстетика жизни»), а также познает сущность мира и закономерности его развития. Автор обосновывается, что эстетизм оказал значительное влияние на формирование социально-политических взглядов Леонтьева. Несмотря на то, что Леонтьев прошёл путь от периода кратковременного увлечения либеральными идеями до этапа радикального консерватизма, эстетизм всегда оставался тем неизменным фундаментом, на котором мыслитель соорудил свои общественно-политические концепции. При этом эстетизм Леонтьева был не идеологией, а целостным мировоззрением мыслителя, обусловившим принятие им хранительных взглядов. В ходе исследования проанализированы работы Константина Леонтьева, И. Канта и Ф. Ницше, а также работы отечественных учёных, посвящённых социально-политическим взглядам Леонтьева.

Ключевые слова: Леонтьев, Ницше, Кант, эстетика жизни, хранительство, русский консерватизм, монархия, Российская империя, мораль, искусство, политика

Для цитирования: Столярова И. Ф. Эстетика в социально-политическом творчестве К. Н. Леонтьева // *Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 3 (72). С. 69–73.* https://doi.org/10.54398/1818510X_2022_3_69.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

AESTHETICS IN SOCIO-POLITICAL WORKS OF KONSTANTIN LEONTIEV

Izabella F. Stolyarova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
izabella.stolyarova@gmail.com, <https://istina.msu.ru/profile/iubiriya/>

Abstract. The article discusses the aesthetic concepts of Konstantin Leontiev (1831-1891), I. Kant and F. Nietzsche. The author explores the interrelation and differences of the ideas of Kant, Nietzsche and Leontiev on aesthetics, and also substantiates the similarity of the aesthetic concepts of Leontiev and Nietzsche, which allowed the Russian thinker to be considered a harbinger of Nietzscheanism. It is revealed in the article that aesthetics is the main criterion for Konstantin Leontiev on the basis of which the thinker appraises all phenomena occurring in life and nature (the so-called "aesthetics of life"), and also explores the essence of the world and the laws of its development. The author substantiates that aestheticism had a significant impact on the formation of Leontiev's socio-political views. Despite the fact that Leontiev went from a period of short-term fascination with liberal ideas to the stage of radical conservatism, aestheticism has always remained the unchanging foundation on which the thinker created his socio-political concepts. At the same time, Leontiev's aestheticism was not an ideology, but an integral worldview of the thinker, which conditioned his acceptance of conservative views. The research analyzes the works of Konstantin Leontiev, I. Kant and F. Nietzsche, as well as the works of Russian scientists devoted to the socio-political views of Leontiev.

Keywords: Leontiev, Nietzsche, Kant, aesthetics of life, conservatism, khranitelstvo, Russian conservatism, monarchy, Russian Empire, morality, art, politics

For citation: Stolyarova I. F. Aesthetics in socio-political works of Konstantin Leontiev. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2022, no. 3 (72), pp. 69–73. https://doi.org/10.54398/1818510X_2022_3_69.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

Эстетическое мировоззрение, свойственное выдающемуся русскому консерватору-«хранителю» [23] Константину Николаевичу Леонтьеву (1831–1891), оказало значительное влияние на все его творчество, включая социально-политическое наследие. Консервативные идеи Леонтьева представляли собой комплекс эстетических воззрений на социально-политическую действительность в России и мире. У Леонтьева эстетика стала основным мерилom целесобразности, полезности и необходимости различных событий и явлений в истории, природе и искусстве, обусловившим принятие мыслителем консервативных «хранительных» взглядом.

Основная часть

Эстетическое мировосприятие Леонтьева сложилось достаточно рано. Уже в студенческие годы мыслитель был убеждён, что постижение мира возможно только сквозь призму эстетического мировосприятия, в соответствии с которым красота признаётся высшей ценностью. Произведением, свидетельствующим, по словам Леонтьева, о его «исключительно эстетическом мировоззрении», является роман «В своём краю», в котором мыслитель изложил свою эстетическую концепцию: «Нам есть указание в природе, которая обожает разнообразие, пышность формы; наша жизнь по её примеру должна быть сложна и богата... Прекрасное – вот цель жизни, и добрая нравственность,

и самоотвержение ценны только как одно из проявлений прекрасного, как свободное творчество добра. Чем больше развивается человек, тем больше он верит в прекрасное, тем меньше в полезное» [14, с. 152–153]. В его представлении прекрасное никогда не гибнет, а становится достоянием истории и помогает человечеству в её постижении: «вооружась прекрасным, мы понимаем и любим историю» [14, с. 153]. Прекрасное является проявлением вечности в окружающем мире, в связи с чем в произведениях Леонтьева эстетика приобретает метафизический смысл: «Я считаю эстетике мерилом наилучшим для истории и жизни, ибо оно приложимо ко всем векам и ко всем местностям» [14, с. 175].

Леонтьев и Кант

Под эстетикой традиционно понимается учение о чувственных восприятиях и основанном на них познании [4, с. 8]. И если у И. Канта эстетика приобрела трансцендентальный характер как «наука о всех априорных принципах чувственности» [11, с. 128], то у Леонтьева она носит метафизический смысл: красота является проявлением вечности в окружающем мире. Можно предположить, что именно сквозь призму метафизики и эстетики Леонтьев воспринимал окружающий мир.

Однако нельзя сказать, что эта позиция не подвергалась критике. Так, И. Кант сводил эстетическое исключительно к чувственному и субъективному, называя область суждений о красоте «критикой способности суждения» и понимая её как одну из трёх душевных способностей человека (наряду с «чистым», теоретическим и нравственно-волевым, «практическим» разумом). «Критику способности суждения» Кант разделяет «на критику эстетической и критику телеологической способности суждения», понимая под первой «способность судить о формальной целесообразности (она называется также субъективной) на основании чувства удовольствия или неудовольствия, а под второй – способность судить о реальной целесообразности (объективной) природы на основании рассудка и разума» [10, с. 193–194]. По Канту, эстетическая способность позволяет воспринимать прекрасное в природе, а телеологическая способствует восприятию прекрасного в искусстве: «природа обозначает в прекрасном непринуждённость», а «искусство – целенаправленность и упорядоченность» [9, с. 75]. Кант убеждён, что искусство есть средство прекрасного, а природа является его примером и законом, т.е. некий субстрат прекрасного. В представлении Канта само прекрасное содержится в идеях; природа же «в своём хаосе или в своём самом диком и лишённом всяких правил беспорядке и опустошении» может вызвать идеи возвышенного, если наблюдается её «величие и мощь» [10, с. 252]. У Канта возвышенное в природе может и не быть прекрасным, но искусство может сделать его таковым, поскольку «обнаруживает своё превосходство именно в том, что оно прекрасно описывает вещи, которые в природе безобразны или отвратительны. Фурии, болезни, опустошения, вызванные войной, и т.п. могут быть прекрасно описаны как нечто вредное и даже прекрасно изображены на картине» [10, с. 328].

Леонтьев же полагал, что человек способен ощущать красоту в природе и истории непосредственно, т.е. художественное восприятие природы и истории через искусство необязательно. Он не только критиковал одностороннее усматривание эстетики в искусстве, но и говорил о более широком понимании эстетического, распространяя его не только на природу, но и на жизнь в целом: «Эстетика жизни (не искусства!.. Чёрт его возьми искусство – без жизни!..)» [15, с. 299]. Таким образом, Леонтьев усматривал красоту не только в чувственных и моральных аспектах классического искусства, но признавал её высшей ценностью жизни. Более того, «картины жизни» для него были неравноценны «картинам для удовольствия зрителя»: «Эстетика жизни гораздо важнее отражённой эстетики искусства. ... Будет жизнь пышна; будет она богата разнообразн<ою> борьбою сил божественных (религиозных) и с силами страстно-эстетическими (демоническими) – придут и гениальные отражения в искусстве» [21, с. 79–80]. По Леонтьеву, то, что прекрасно в искусстве, должно быть прекрасным и в жизни, а если оно неудобно, то «это другой вопрос. – люди не должны жить для одних удобств, а для прекрасного» [19, с. 13]. Основное различие в эстетических концепциях Леонтьева и Канта, – это, безусловно, взгляд на моральный аспект эстетики. Если для Канта мораль неразрывно связана с эстетическим мировосприятием [8, с. 90], то для Леонтьева характерной чертой его воззрений становится приоритет эстетики над моралью.

«Эстетика жизни» Леонтьева состоит из трёх элементов: это красота, разнообразие и противоборство. При этом красота в понимании Леонтьева не сводится исключительно к внешней красоте явлений или людей, это понятие охватывает все мироздание: живую и неживую природу, этику, политику, литературу и искусство [26, с. 54].

Абсолютизируя эстетический критерий, Леонтьев утверждает, что только с его помощью можно познать сущность мира и закономерности его развития: эстетика «приложима и к отдельным человеческим обществам, к социологическим, историческим задачам» [21, с. 79–80], более того, в том обществе и государстве, где будет «много поэзии – непременно будет много веры, много религиозности и даже много живой морали. – Надо поэтому желать, чтобы в будущей России (и во Всеславянстве) было бы побольше поэзии, не в смысле – писания хороших стихов и романов, а в том смысле, чтобы сама жизнь была достойна хорошего изображения» [21, с. 79–80]. Между тем, само понятие «эстетика» обществом не воспринимается в верном ключе: «в наше время большинство гораздо больше понимает эстетику в природе и в искусстве, чем эстетику в истории и вообще в жизни человеческой» [13, с. 173]. Дело в том, что эстетика природы и искусства более гуманистична, утешительна и безопасна, в то время как «настоящая эстетика самой жизни» связана с жестокостью, пороками и опасностями, поэтому «нынешнее боязливое (сравнительно, конечно, с прежним), слабонервное, маловерующее, телесно самоизнеженное и жалостливое (тоже сравнительно с прежним) человечество радо-радешенько видеть всякую эстетику на полотне, подмостках опер и трагедий и на страницах романов, а в действительности – “избави Боже!”» [13, с. 174].

Леонтьев и Ницше

Эстетика является высшей ценностью жизни для Леонтьева, даже нравственность представляется ему только уголком прекрасного, одной из полос его [14, с. 23]. Главный эталон – это прекрасное, поэтому Нерон, несмотря на свою безнравственность, для Леонтьева гораздо предпочтительнее Акакия Акакиевича [5, с. 102]. Всякое прекрасное, яркое и неординарное явление Леонтьев считал более ценным, чем множество обыденных и обычных явлений. Так, «одно столетнее величественное дерево дороже двух десятков безличных людей» [14, с. 46]. Леонтьев «прекрасным» оправдывает все человеческие поступки, в том числе и насилие, ведь, по его мнению, в великом народе взаимосвязаны зло и жестокость с добротой и гуманностью [14, с. 45]. Эти мысли Леонтьева дали повод Б. А. Грифцову назвать его «предвестником ницшеанства, неожиданно появившимся в 60-х годах» [7, с. 58]. О. В. Волжогова отмечает поразительное сходство эстетических воззрений Леонтьева и Ницше: «К подобному выводу двумя десятилетия-

ми позднее пришёл и Ницше, изучая античность. Если до него в древних греках видели расу «прекрасных детей», «золотой век» человечества, то Ницше первым описал их как свирепый и воинственный народ, хотя и создавший уникальную культуру; они «имели склонность к жестокости, к брутальному удовольствию разрушать», но были и «самым гуманным народом античности» [5, с. 102]. Вместе с тем необходимо отметить, что Леонтьев выступает не против морали в целом, а против морали, лишённой черт прекрасного, иначе говоря, он выступает с позиций романтического эстетизма против буржуазной морали, утверждая иную мораль, основанную на эстетическом чувстве, мораль аристократически-героическую [29, с. 103], что и делало его предшественником Ницше. Ницше, как и Леонтьев, писал о «свободных умах», находящихся выше моральных ограничений, «по ту сторону добра и зла». В понимании Ницше «свободный человек аморален, потому что он настроен во всем полагаться на себя, а не на традицию» [22, с. 17].

Понятие прекрасного для Леонтьева тесно связано с понятием силы – если какое-нибудь явление сильно, то оно «прекрасно в своём роде» [18, с. 92]. Эти взгляды разделял и Ницше: «Самые сильные и самые злые души до сих пор продвигали человечество более всех... злые побуждения столь же полезны, необходимы и спасительны для видов, сколь и добрые» [5, с. 102]. В работах Ницше, как и в сочинениях Леонтьева, содержалось преклонение перед силой и красотой и презрение к слабому человечеству и больной европейской цивилизации. Более того, во многих произведениях Ницше, как проницательно отмечает Волкогонова, «звучит настойчивый мотив: мораль – не более чем обычай, служащий смиренной рубашкой для сильных личностей» [5, с. 102]. По мнению обоих мыслителей, движущей силой истории является не благоденствие, а борьба: рождение прекрасного происходит в результате взаимодействия состязательности, силы и страсти. И в этом смысле зло и добро невозможны друг без друга. По Леонтьеву, поскольку «зло на просторе родит добро», то жертвы и трагедии не страшны: «кровь не мешает небесному добродушию». Ужасны не пороки, а пошлость, бессилие и безличие, сон, равнодушие и лавочная осторожность [14, с. 46]. Отсутствие великих личностей, «достойных» людей невыносимо для Леонтьева. Он всецело полагал, что для формирования великих людей нужны широкий досуг, роскошь и «разнообразие представлений», порождаемое неравноправным общественным строем. Только при таких условиях могли являться Байроны и Шекспиры, Цезари и Потемкины [5, с. 153]. Сравнивая Леонтьева и Ницше, Бердяев заключает: «Воля к могуществу, аристократизм, трагическое чувство жизни, острый эстетизм, аморализм, сосредоточенность внимания на условиях цветения и декаданса культур – все это роднит Леонтьева с Ницше» [2, с. 102].

По Леонтьеву, для развития «лица» (то есть личности), необходимы не только общественное неравенство и противоборство, но и обособление наций посредством усиления их культурных различий: «Всякая нация только тем и полезна другой, что она другая. Упёрлась одна нация в стену, не знает, что делать; поглядела на другую и освежилась!» [14, с. 155]. Исходя из этого, одной из основных причин неприязни Леонтьева к демократии можно считать его убеждение в том, что воспитание человеческих характеров в условиях всеобщего равенства сделает эти характеры схожими, в результате всеобщего усреднения исчезнет порода великих людей – «лица, богатые дарованием и самобытностью» [19, с. 538], а вслед за ними – «поэзия жизни» и великое искусство всех жанров. Чтобы этого не случилось, необходимы «страдания и широкое поле борьбы» [14, с. 152]. Всеобщей бесцельности, которую несёт с собой буржуазный прогресс, Леонтьев предпочитал войну, «поэтические суеверия и доблестные предрассудки» [16, с. 41].

Вместе с тем Леонтьев не только обосновывал «героизм» теоретически, но и старался практически воплотить его в своей жизни. Современные исследователи творчества Леонтьева указывают на то, что «составные части «героического» способа жизни Леонтьева несложны – огромное честолюбие, отвага, верное служение государю и отечеству, покорение женских сердец. Цель – слава» [6, с. 10]. Следуя за своей страстью, Леонтьеву хотелось получить от жизни как можно больше новых впечатлений и эстетических переживаний, что побудило его добровольно отправиться на войну в Крым «для того, чтобы кинуться головой вниз в жизнь более грубую, более страшную, более тяжкую для тела, но более здоровую и лёгкую для души и ума» [17, с. 138–139].

Леонтьева привлекало, что война не только несёт с собой горести и разрушения, но и способствует раскрытию и формированию лучших человеческих качеств, которые на поле боя проходят проверку на прочность [26, с. 6]. Став участником военных событий, Леонтьев противопоставляет военную и гражданскую жизнь, подчёркивая, что «в трудные и опасные минуты исторической жизни общество простирало руки не к ораторам или журналистам, не к педагогам или законникам, а к людям силы, к людям, *повелевать умеющим, принуждать держащим*» [3, с. 95]. В связи с этим Бердяев справедливо отмечал, что «любовь к войне и идеализация войны остались у К[онстантина] Н[иколаевича] навсегда. В войне он видел противоположность современной буржуазной цивилизации... Он искал эстетики жизни, искал счастья в красоте. И не мог найти ни эстетики жизни, ни счастья в красоте у окружающего его культурного общества, у русской интеллигенции» [3, с. 28].

С. Л. Франк писал о главной идее в творчестве Леонтьева: «она состоит в единственной для русской духовной жизни установке: *в вере в высшую метафизическую ценность красоты, которая заключается в свободном космическом проявлении полноты жизни*, а значит, в отрицании господствующих моральных критериев, ведущих к упрощению и обеднению жизни. Из этого возникает страстная, никогда не могущая успокоиться ненависть ко всему мешанскому, убогому, прозаически-добродетельному, нивелирующему в личной и общественной жизни. На этой эстетико-метафизической ненависти покоится его социально-политический консерватизм, более того – его реакционерство» [28, с. 406–407]. Несмотря на то, что Леонтьев прошёл путь от периода кратковременного увлечения либеральными идеями до этапа радикального консерватизма [28, с. 17], эстетизм всегда оставался тем неизменным фундаментом, на котором мыслитель сооружал свои общественно-политические концепции. Так, в период увлечения республиканизмом его привлекали «те стороны великих республик, которые у них общи с великими монархиями: сила, вырабатываемое сословным строем разнообразие характеров, борьба, битвы, слава... *ибо только там много бытовой и всякой поэзии, где много государственной и общественной силы*» [20, с. 562], а вовсе не равенство прав и свобода. Исходя из эстетических причин Леонтьев также приветствовал мятежи и революции: «Я стал впервые понимать, что и мятежи народные мне нравились не по цели, а разве по драматичности... Пусть они будут, но чтобы их усмирjali! Цели же демократические мне ужасно не нравились и чтение Герцена... уже прежде подготовило во мне поворот к охранению и реакции» [12, с. 52].

Выводы

Пережив увлечение либеральными идеями Константин Леонтьев «сделался» «консерватором», потому что увидел, что прекрасное на стороне церкви, монархии, войска, дворянства, неравенства и т.д., а не на стороне современ-

ного равенства и средней буржуазности. Образ прекрасного был для него связан с разнообразием. Прекрасно лишь общество, основанное на разнообразии, на дифференциациях, на неравенстве. Это стало аксиомой его общественной философии» [3, с. 32]. По словам самого Леонтьева, он «стал любить Монархию, полюбил войска и военных, стал и жалеть, и ценить дворянство» [15, с. 299]. Своим консервативно-«хранительным» убеждениям Леонтьев не изменял до конца жизни.

Таким образом, консерватизм Леонтьева представлял собой не просто идеологию, но мировоззрение, представляющее собой «целостный комплекс консервативного осмысления мира, в котором эстетизм выполнял важные охранительные функции» [1, с. 24]. Именно обостренное чувство эстетизма, на наш взгляд, стало решающим фактором, обусловившим восприятие Леонтьевым национально-консервативных, «хранительных» убеждений. В этой связи мыслитель отмечал: «эстетика спасла во мне гражданственность» [15, с. 299].

Список литературы

1. Андронов, Ю. В. Русская социально-политическая мысль XIX – начала XX века: К. Н. Леонтьев / Ю. В. Андронов, А. Г. Мячин, А. А. Шириняц; под ред. Д. В. Ермашова. – Москва: Университет, 2000. – 224 с.
2. Бердяев, Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев. – Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. – 224 с.
3. Бердяев, Н. А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли. Алексей Степанович Хомяков / Н. А. Бердяев. – Москва: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. – 445 с.
4. Бычков, В. В. Эстетика / В. В. Бычков. – Москва: КНОРУС, 2012. – 528 с.
5. Волкогонова, О. Д. Константин Леонтьев / О. Д. Волкогонова. – Москва: Молодая гвардия, 2013. – 453 с.
6. Володихин, Д. М. «Высокомерный странник». Философия и жизнь Константина Леонтьева / Д. М. Володихин. – Москва: Мануфактура, 2000. – 185 с.
7. Грифцов, Б. А. Судьба К. Н. Леонтьева / Б. А. Грифцов // Русская мысль. – 1913. – № 1. – С. 85–107; № 2. – С. 51–77; № 4. – С. 1–14.
8. Гулыга, А. В. Немецкая классическая философия / А. В. Гулыга. – Москва: Айрис Пресс, 2001. – 413 с.
9. История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли: в 5 т. / введ. М. Ф. Овсянникова; ред. колл.: М. Ф. Овсянников и др. – Москва: Академия художеств СССР, 1967. – Т. 3. – 1006 с.
10. Кант, И. Критика способности суждения / И. Кант // Кант И. Сочинения: в 6 т. – Москва: Мысль, 1966. – Т. 5. – С. 161–542.
11. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант // Кант И. Собрание сочинений: в 6 т. – Москва: Мысль, 1964. – С. 69–774.
12. Коноплянец, А. А. Жизнь К. Н. Леонтьева в связи с развитием его мирозерцания / А. А. Коноплянец // Памяти Константина Николаевича Леонтьева. 1891 г.: лит. сб. – Санкт-Петербург: Сириус, 1911. – С. 1–142.
13. Корольков, А. А. Пророчества Константина Леонтьева / А. А. Корольков. – Санкт-Петербург: СПбГУ, 1991. – 199 с.
14. Леонтьев, К. Н. В своем краю / К. Н. Леонтьев // Леонтьев К. Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. – Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2000. – Т. 2. – С. 7–327.
15. Леонтьев, К. Н. Два графа: Алексей Вронский и Лев Толстой / К. Н. Леонтьев // Леонтьев К. Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. – Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2007. – Т. 8, кн. 1. – С. 297–315.
16. Леонтьев, К. Н. Избранные письма (1854–1891) / К. Н. Леонтьев. – Санкт-Петербург: Пушкинский дом, 1993. – 640 с.
17. Леонтьев, К. Н. Моя литературная судьба / К. Н. Леонтьев // Леонтьев К. Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. – Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2003. – Т. 6, кн. 1. – С. 27–71.
18. Леонтьев, К. Н. Наше общество и наша изящная литература / К. Н. Леонтьев // Леонтьев К. Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. – Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2014. – Т. 9. – С. 62–93.
19. Леонтьев, К. Н. Несколько воспоминаний и мыслей о покойном Ап. Григорьеве / К. Н. Леонтьев // Леонтьев К. Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. – Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2003. – Т. 6, кн. 1. – С. 7–26.
20. Леонтьев, К. Н. Рассказ моей матери об императрице Марии Феодоровне / К. Н. Леонтьев // Леонтьев К. Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. – Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2003. – Т. 6, кн. 1. – С. 552–620.
21. Леонтьев – Фуделю. 6–23 июля 1888. Оптина Пустынь / К. Н. Леонтьев // Леонтьев К. Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. – Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2012. – Приложение, кн. 1. – С. 75–96.
22. Ницше, Ф. Утренняя заря. Мысли о моральных предрассудках / Ф. Ницше. – Свердловск: Воля, 1991. – 303 с.
23. Перевезенцев, С. В. Очерки истории русского хранительства / С. В. Перевезенцев, А. А. Шириняц. – Москва: Московский ун-т, 2021. – Ч. 1. – 352 с.
24. Хранители России. Антология. – Москва: Новые решения, 2018. – Т. 5. Обретённая Россия. 1840-е – начало 1860-х гг. / под ред. С. В. Перевезенцева, А. А. Шириняца. – 952 с.
25. Хранители России. Антология. – Москва: Новые решения, 2018. – Т. 6. Крестьянское дело. 1840-е – начало 1860-х гг. / под ред. С. В. Перевезенцева, А. А. Шириняца. – 1174 с.
26. Репников, А. В. Константин Николаевич Леонтьев / А. В. Репников // Леонтьев К. Н. Избранное. – Москва: РОССПЭН, 2010. – С. 6–41.
27. Столярова, И. Ф. «Творческий консерватизм» К. Н. Леонтьева / И. Ф. Столярова; под общ. ред. А. А. Шириняца. – Москва: Социально-политическая мысль, 2020. – 251 с.
28. Франк, С. Л. Константин Леонтьев, русский Ницше / С. Л. Франк // Франк С. Л. Русское мировоззрение. – Санкт-Петербург: Наука, 1996. – С. 404–422.
29. Хатунцев, С. В. Константин Леонтьев: Интеллектуальная биография. 1850–1874 гг. / С. В. Хатунцев. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2007. – 208 с.
30. Шириняц, А. А. Русская социально-политическая мысль XIX века: К. Н. Леонтьев / А. А. Шириняц, А. Г. Мячин; под ред. А. А. Шириняца. – Москва: Московский ун-т, 1995. – 120 с.

References

1. Andronov, Ju. V., Mjachin A. G., Shirinjanc A. A. *Russkaja socialno-politicheskaia mysl XIX – nachala XX veka: K. N. Leontev* [Russian socio-political thought of XIX – early XX century: K. N. Leontiev]. Moscow: Universitet, 2000, 224 p.
2. Berdjaev, N. A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The origins and meaning of Russian communism]. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus; 2016, 224 p.
3. Berdjaev, N. A. *Konstantin Leontev. Oчерk iz istorii russkoj religioznoj mysli. Aleksej Stepanovich Homjakov* [Konstantin Leontiev. Essay from the history of Russian religious thought. Alexey Stepanovich Khomyakov]. Moscow: AST: AST Moskva: Hranitel; 2007. 445 p.
4. Bychkov, V. V. *Jestetika* [Aesthetics]. Moscow: Knorus, 2012; 528 p.
5. Volkogonova, O. D. *Konstantin Leontev* [Konstantin Leontiev]. Moscow: Molodaja gvardija; 2013, 453 p.
6. Volodihin, D. M. *“Vysokomernyj stranik”. Filosofija i zhizn Konstantina Leonteva* [“Arrogant wanderer”. Philosophy and life of Konstantin Leontiev]. Moscow: Manufaktura; 2000, 185 p.
7. Grifcov, B. A. Sudba K. N. Leonteva [Fate of K. N. Leontiev]. *Russkaja mysl* [Russian thought]. 1913, no. 1, pp. 85–107; no. 2, pp. 51–77; no. 4, pp. 1–14.
8. Gulyga, A. V. *Nemeckaja klassicheskaja filosofija* [German classical philosophy]. Moscow: Ajris Press; 2001, 413 p.

9. *Istorija jestetiki. Pamjatniki mirovoj jesteticheskoj mysli* [History of aesthetics. Monuments of world aesthetic thought]. Moscow: Akad.hudozhestv SSSR; 1967, vol. 3, 1006 p.
10. Kant, I. Kritika sposobnosti suzhdenija [Criticism of the ability of judgment]. *Kant I. Sochinenija* [Collected works]. Moscow: Mysl; 1966, vol. 5, pp. 161–542.
11. Kant, I. Kritika chistogo razuma [Criticism of pure reason]. *Kant I. Sobranie sochinenij* [Collected works]. Moscow: Mysl; 1964, vol. 3, pp. 69–774.
12. Konopljancev, A. A. Zhizn K. N. Leonteva v svjazi s razvitiem ego mirosozercanija [The Life of K. N. Leontiev in connection with the development of his worldview]. *Pamjati Konstantina Nikolaevicha Leonteva. 1891 g.* [In Memory of Konstantin Nikolaevich Leontiev. 1891]. St. Petersburg: Sirius; 1911, pp. 1–142.
13. Korokov, A. A. *Prorochestva Konstantina Leonteva* [The Prophecies of Konstantin Leontiev]. St. Petersburg: SPbGU; 1991, 199 p.
14. Leontev, K. N. V svoem kraju [In its edge]. *Leontev K. N. Polnoe sobranie sochinenij i pisem* [Complete works and letters]. St. Petersburg: Vladimir Dal; 2000, vol. 2, pp. 7–327.
15. Leontev, K. N. Dva grafa: Aleksej Vronskij i Lev Tolstoj [Two count Alexei Vronskij Leo Tolstoy]. *Leontev K. N. Polnoe sobranie sochinenij i pisem* [Complete works and letters]. St. Petersburg: Vladimir Dal; 2007, vol. 8, book 1, pp. 297–315.
16. Leontev, K. N. *Izbrannye pisma (1854–1891)* [Selected letters (1854–1891)]. St. Petersburg: Pushkinskij dom; 1993, 640 p.
17. Leontev, K. N. Moja literaturnaja sudba [My literary destiny]. *Leontev K. N. Polnoe sobranie sochinenij i pisem* [Complete works and letters]. St. Petersburg: Vladimir Dal; 2003, vol. 6, book 1, pp. 27–71.
18. Leontev, K. N. Nashe obshhestvo i nasha izjashhnaja literatura [Our society and our elegant literature]. *Leontev K. N. Polnoe sobranie sochinenij i pisem* [Complete works and letters]. St. Petersburg: Vladimir Dal; 2014, vol. 9, pp. 62–93.
19. Leontev, K. N. Neskolko vospominanij i myslej o pokojnom Ap. Grigoreve [A few memories and thoughts about departed Apollon Grigoriev]. *Leontev K. N. Polnoe sobranie sochinenij i pisem* [Complete works and letters]. St. Petersburg: Vladimir Dal; 2003, vol. 6, book 1, pp. 7–26.
20. Leontev, K. N. Rasskaz moej materi ob imperatrice Marii Feodorovne [The story of my mother about Empress Maria Feodorovna]. *Leontev K. N. Polnoe sobranie sochinenij i pisem* [Complete works and letters]. St. Petersburg: Vladimir Dal; 2003, vol. 6, book 1, pp. 552–620.
21. Leontev – Fudelju. 6–23 ijulja 1888. Optina Pustyn [A letter from Leontiev to Fudel. July 6–23, 1888. Optina Pustyn]. *Leontev K. N. Polnoe sobranie sochinenij i pisem* [Complete works and letters]. St. Petersburg: Vladimir Dal; 2012, application, book 1, pp. 75–96.
22. Nische, F. *Utrennjaja zarja. Mysli o moralnyh predrassudkah* [Morning dawn. Thoughts of moral prejudice]. Sverdlovsk: Volja; 1991, 303 p.
23. Perevezencev, S. V., Shirinjanc, A. A. *Očerki istorii russkogo hrani-telstva* [Essays of history of Russian “Khranitelstvo”]. Moscow: Moscow University; 2021, part 1, 352 p.
24. *Hraniteli Rossii. Antologija* [Khraniteli of Russia. Anthology]. Moscow: Novye reshenija; 2018, vol. 5, 952 p.
25. *Hraniteli Rossii. Antologija* [Khraniteli of Russia. Anthology]. Moscow: Novye reshenija; 2018, vol. 5, 2018, 1174 p.
26. Repnikov, A. V. Konstantin Nikolaevich Leontev [Konstantin Nikolaevich Leontiev]. *Leontev K. N. Izbrannoe* [Selected]. Moscow: ROSSPEN; 2010, pp. 6–41.
27. Stoljarova, I. F. “Tvorcheskij konservatizm” K. N. Leonteva [“Tvorcheskiy conservatism” of K.N.Leontiev]. Ed. by A. A. Shirinjanc. Moscow: Socialno-politicheskaja mysl; 2020, 251 p.
28. Frank, S. L. Konstantin Leontev, russkij Nische [Konstantin Leontiev, a Russian Nietzsche]. *Frank S. L. Russkoe mirovozzrenie* [Russian worldview]. St. Petersburg: Nauka; 1996, pp. 404–422.
29. Hatunov, S. V. *Konstantin Leontev: Intellektualnaja biografija. 1850–1874 gg* [Konstantin Leontev: an Intellectual biography. 1850–1874]. St. Petersburg: Aleteja; 2007, 208 p.
30. Shirinjanc, A. A., Mjachin, A. G. *Russkaja socialno-politicheskaja mysl XIX veka: K. N. Leontev* [Russian socio-political thought of XIX century: K. N. Leontiev]. Moscow: Moscow University; 1995, 120 p.

Информация об авторе

Столярова И. Ф. – соискатель.

Information about the author

Stolyarova I. F. – applicant.

Статья поступила в редакцию 08.06.2022; одобрена после рецензирования 28.06.2022; принята к публикации 30.06.2022.

The article was submitted 08.06.2022; approved after reviewing 28.06.2022; accepted for publication 30.06.2022.